

→ «Новая дружина» ←

Камень на распутье

→ Книга первая ←

Юрий Богатырский

Юрий Богатырский

Камень на распутье

Серия «Серия 1 «Новая дружина»», книга 1

<https://litres.ru/74102083>

SelfPub; 2026

Аннотация

Илья Муромцев — обычный школьник, которого дразнят за лишний вес и неуклюжесть. Добрыня Никитин — отличник и спортсмен, вечно пытающийся доказать строгому отцу, что он достоин. Алёша Попов — блогер и музыкант, мечтающий о славе. Их ничего не связывает, кроме странных снов, которые снятся каждому.

В один день они получают загадочные сообщения на телефоны: «Приходи к камню». Там их встречает старик, называющий себя Вещим. Он открывает им правду: они — потомки древних богатырей, и их сила просыпается. Город на грани бедствия — Соловей-Разбойник захватывает умы людей через экраны телефонов, высасывая жизненную силу.

Троим подросткам предстоит научиться владеть древними артефактами, победить свои страхи и спасти город. Первая битва ждёт их на телебашне, где Соловей открывает портал в мир

мёртвых. Смогут ли они стать новой дружиной и защитить мир от тьмы?

Содержание

Глава 1. Илья. Утро, которое ничего не обещало	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юрий Богатырский

Камень на распутье

Глава 1. Илья. Утро, которое ничего не обещало

Будильник заорал ровно в семь утра. Илья Муромцев ненавидел это время. Ненавидел писклявый голос телефона, ненавидел серый свет за окном, ненавидел мысль о том, что сейчас придется вылезать из-под теплого одеяла и тащить свое большое тело в школу.

Он нащупал телефон на тумбочке, с трудом разлепил веки и ткнул пальцем в экран. Будильник заткнулся. В комнате снова стало тихо, если не считать мерного дыхания спящего кота Барсика, который оккупировал пол-одеяла и даже не думал просыпаться.

— Легко тебе, — проворчал Илья, глядя на кота. — У тебя никакой физры, никакого Косицына, никакой алгебры.

Барсик приоткрыл один глаз, презрительно зыркнул на хозяина и снова провалился в сон.

Илья вздохнул и сел на кровати. Майка прилипла к телу — ночью было душно, несмотря на открытое окно. Он поправил сползшую футболку и потянулся, хрустнув суставами.

ми. В зеркале напротив отразился подросток с круглым лицом, взлохмаченными русыми волосами и вечно испуганным выражением глаз. Илья отвернулся — он не любил на себя смотреть. Лишнее напоминание о том, что он не такой, как все.

— Илья! Вставай, соня! — донеслось из кухни. Бабушкин голос был единственным, что могло заставить его пошевелиться. — Оладьи стынут!

Оладьи — это аргумент. Илья натянул штаны, сунул ноги в тапки и поплелся на кухню.

В маленькой кухне пахло маслом, тестом и еще чем-то неуловимо домашним, что невозможно купить в магазине. Бабушка, сухонькая, быстрая, с вечно озабоченным лицом, уже колдовала у плиты. На столе дымилась тарелка с горкой румяных оладий, стояла кружка с чаем и банка с бабушкиным вишневым вареньем.

— Умылся? — строго спросила бабушка, даже не оборачиваясь.

— Ага, — соврал Илья.

— Знаю я твое «ага». Марш в ванную.

Илья вздохнул и покорно пошел умываться. Вода была холодной, но это даже хорошо — взбодрило. Он плеснул в лицо, вытерся полотенцем, посмотрел в зеркало. Тот же круглый, испуганный мальчишка. На шее, на тонком кожаном шнурке, висел медный крестик. Бабушка сказала, это от прадеда, с войны. Илья носил его, не снимая, уже года три. Не то

чтобы он был суеверным, но с ним было как-то спокойнее.

За завтраком бабушка, как обычно, говорила без остановки:

— Сегодня к тете Клавке зайду, она трав обещала от ревматизма. Ты в школе не голодай, я тебе бутерброды собрала. И не связывайся с этим... как его... Косицыным. Он дрянной мальчишка, мать его по магазинам толкается, а он растет как трава.

— Я не связываюсь, ба, — пробормотал Илья, жуя оладью.
— Он сам лезет.

— А ты не поддавайся. Ты большой, ты сильный, а он мелкий. Если ударишь — покалечишь. Терпи.

— Терплю, — кивнул Илья.

Это была правда. Он помнил, как в начальной школе мальчишки дразнили его «бегемотом» и кидались огрызками. Помнил, как в пятом классе Косицын подложил на стул кнопку, и он сидел на ней весь урок, боясь признаться. Помнил, как на физре Сподырев орал, что он позорит класс, а все вокруг смеялись. Он привык. Легче было стерпеть, чем ответить — потому что если он ударит, то не умеет бить легко. Однажды, в третьем классе, он просто толкнул обидчика, и тот отлетел на три метра, сломав руку. С тех пор Илья поклялся: лучше быть тряпкой, чем калекой.

После завтрака он собрал рюкзак — книжки, тетрадки, пенал, бутерброды — и вышел. Бабушка крикнула вслед:

— Кулон не снимай! Он тебя бережет!

— Хорошо, ба!

Илья шел в школу через старый район, где каждый дом был ему знаком. Деревянные пятистенки с резными наличниками, кое-где покосившиеся заборы, вечно цветущие палисадники. Здесь жили в основном старики, молодежь давно перебралась в новые кварталы. Илья любил эти улицы. Здесь было тихо, спокойно, никто не лез.

В школе его ждал обычный день. Первым уроком была алгебра. Ирина Петровна, сухая женщина с вечно поджатыми губами, чертила на доске графики. Илья смотрел в окно и думал о своем. О том, что сегодня ночью ему опять снился странный сон. Камень в поле. Горячий, как печка. И буквы, которые светились.

Он не рассказывал об этом даже бабушке. Сны как сны, мало ли что приснится.

На перемене, как обычно, к нему подошел Косицын. Маленький, юркий, с вечно бегающими глазками, он был воплощением всего, что Илья ненавидел в школе.

— Эй, Муромец! — Пашка плюхнулся на соседнюю парту. — Че такой кислый? Оладьев объелся?

Илья промолчал. Он смотрел в тетрадь, делая вид, что проверяет домашку.

— Че молчишь? Язык проглотил? — Косицын обернулся к своим приятелям, которые стояли в дверях и ждали развлечения. — Слышь, пацаны, а он, наверное, немой. Или тупой. Точно, тупой! Муромцев — тупой!

Приятели заржали. Илья стиснул зубы.

В этот момент в класс вошла Оля Ветрова. Красивая, светловолосая, с большими серыми глазами, она была предметом воздыхания половины параллели. Илья тоже нравилась, но он даже думать об этом боялся. Куда ему, толстому и неуклюжему.

Косицын мгновенно переключился:

— Оля, привет! Садись к нам!

Оля скользнула по нему равнодушным взглядом и села через парту от Ильи.

— Привет, Илья, — кивнула она.

У Ильи сердце ухнуло куда-то в пятки.

— П-привет, — выдавил он.

Оля улыбнулась — просто так, без причины, и у Ильи внутри что-то перевернулось. Он никогда не видел такой улыбки. Она была настоящей, не как у всех этих лицемерных девчонок. Илья хотел сказать что-то ещё, но язык прилип к нёбу. А Оля уже села за свою парту, достала учебник и больше не смотрела в его сторону. Но Илья запомнил эту улыбку. И почему-то она придала ему сил.

Косицын скривился, но ничего не сказал. Илья подумал: может, этот день не такой уж плохой?

Но день только начинался.

На физре было хуже, чем всегда. Тренер Сподырев, мужик лет пятидесяти с красным лицом и вечно орущей глоткой, заставил всех бежать кросс.

— Три километра! — объявил он. — Кто не уложится в норматив — будет сдавать после уроков!

Илья обреченно вышел на дорожку. Ноги сразу стали ватными.

Он бежал последним, как всегда. Легкие горели, сердце колотилось где-то в горле. Косицын, обогнавший его на круг, нарочно пробежал мимо и крикнул:

— Эй, черепаха, шевелись!

На втором круге Илья споткнулся и чуть не упал. Его обогнал даже Дима Калашников, который вечно болел и освобождался от физры, но сегодня почему-то бежал. Илья понял, что не уложится. Ни за что.

Когда он доплелся до финиша, весь класс уже сидел на скамейках. Сподырев стоял с секундомером и смотрел так, будто Илья был личным врагом.

— Муромцев, — процедил он. — Ты знаешь, сколько ты бежал?

— Нет, — выдохнул Илья, сгибаясь пополам.

— Двадцать три минуты. Это в два раза хуже норматива. Ты вообще думаешь, что делаешь? Ты кем вырастешь? Кому ты такой нужен?

Илья молчал. Он привык.

— После уроков останешься, будешь сдавать, — бросил Сподырев и отвернулся.

В раздевалке было душно и шумно. Все галдели, смеялись, кидались полотенцами. Илья сидел в углу и медленно

одевался, стараясь ни на кого не смотреть.

— Эй, Муромец, — Косицын подсел рядом, пихнул локтем. — А че это у тебя на шее? Амулет от глупости?

Он дернул за шнурок. Кулон выскочил из-под майки.

— Ого, старье какое, — Пашка скривился. —носишь как бабка. Выкинь, купи нормальную цепку.

— Отдай, — тихо сказал Илья.

— Че?

— Отдай кулон, Паш. Пожалуйста.

Голос у Ильи дрогнул. Не от страха — от обиды. Это был не просто кулон. Это была память о прадеде. О войне. О том, что его родные были не тряпками, а настоящими людьми.

Косицын замер, встретившись с ним взглядом. И вдруг ему стало неудобно. Глаза у этого увальня Муромцева стали темными, глубокими, как омут. И холодными.

— На, подавись, — Пашка швырнул кулон и отошел.

Илья поймал его на лету и сжал в кулаке. Металл был теплым. Очень теплым, хотя секунду назад висел на шее и должен был быть холодным.

Странно.

Вечером, лежа в кровати, Илья долго не мог уснуть. Вертел в пальцах кулон, думал о дне, о Косицыне, об Оле. Завтра опять в школу. Опять физра. Опять унижения.

— Илюша, спи, — сказала бабушка из своей комнаты. — Завтра новый день.

— Спокойной ночи, ба.

Он закрыл глаза.

И провалился в сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.